

DOI 10.25991/VRHGA.2025.4.4.001
УДК 1(091)

*Д. К. Богатырёв**

ВОСПОМИНАНИЯ (35 ЛЕТ СПУСТЯ) И РАЗМЫШЛЕНИЯ (УТРАЧЕННЫЕ ИЛЛЮЗИИ)

D. K. Bogatyrev

MEMORIES (35 YEARS LATER) AND REFLECTIONS (LOST ILLUSIONS)

В уходящем году исполнилось тридцать пять лет с фактического начала нашего образовательного, духовно-просветительского, научно-просветительского и социокультурного проекта. Традицией стало каждое пятилетие подводить итоги и обозначать перспективы^{**}. В данном случае статья в большей степени размышляющая, чем фактологическая и декларирующая. Воспоминания приходят из точки сегодняшнего дня. Тридцать пять лет — уже не двадцать лет спустя. И даже двадцать лет плюс десять, как у Александра Дюма в знаменитой трилогии. Но в определённом смысле эта статья — и про десять лет спустя, поскольку последнее десятилетие очень значимо в организационно-правовом значении для отечественного образования, особенно для высшей школы. Аллюзии на классиков французской литературы дополняются отсылкой к эпистолярному наследию великого русского полководца, тем более что в наступающем году мы будем отмечать 80-летие победы над гитлеровской Германией и её

* Богатырёв Дмитрий Кириллович — д-р филос. наук, проф., ректор АНО ВО «Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского».

Dmitry K. Bogatyrev — Doctor of Philology. PhD, Professor, Rector of the Autonomous Educational Institution of Higher Education “Russian Christian Humanitarian Academy named after F. M. Dostoevsky”.

** *Богатырёв Д. К.* Ценностно-культурологическая педагогика: генезис и горизонты // Вестник РХГА. 2019. Т. 20. № 3. С. 34–52. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41470031>; *Богатырёв (Бурлака) Д. К.* Ценностно-культурологическая педагогика: идея, воплощение, перспективы. // Вестник РХГА. 2013. Т. 14. № 2. С. 27–38. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21004333>; *Богатырёв Д. К.* 20 лет по Русскому Пути. // Вестник РХГА. 2009.

союзниками. Наступающий год, в соответствии с указом нашего Президента, объявлен Годом мира и единства в борьбе с нацизмом. Да и звучать — в части «утраченных иллюзий» — будет не так грустно и пессимистично.

* * *

Без конституирующей части все-таки не обойтись, но она в этот раз будет минимальной. И вот здесь — в отношении РХГА как социокультурного проекта — повода для грусти и пессимизма, казалось бы, не должно было быть в принципе. Посмотрим на проект РХГА в оптике «было — стало». Были Высшие гуманитарные курсы, потом — Институт, далее — Академия, которой в 2022 г. присвоено полностью отражающее её идеологию имя Ф. М. Достоевского. В 1989–1994 гг. у нас не было даже лицензии: да, да — тогда так было можно! Первая лицензия была получена буквально накануне первого выпуска: люди нам верили, и им нравилось учиться; это были замечательные ученики. Сейчас и лицензия, и аккредитация бессрочные (впрочем, признание государства по действующим правилам надо регулярно подтверждать результатами аккредитационного мониторинга). Имеется по ряду позиций и общественно-профессиональная аккредитация.

Вуз реализует все уровни образования: колледж, бакалавриат, магистратуру, аспирантуру. Осталось достроить общеобразовательную школу, реанимировав тем самым знаменитый советский бренд ШКИД. Число обучающихся увеличилось многократно. Научно-издательские результаты признаны в России и за рубежом, являясь значительными даже для крупного государственного университета*. Издано несколько тысяч наименований научной, образовательной и просветительской литературы, из них в серии «Русский Путь: pro et contra» порядка 200 томов. По количеству поддержанных различными научными фондами (РГНФ, РФФИ, РНФ) проектов гуманитарной тематики РХГА стабильно на протяжении многих лет с 1996 г. находится в группе лидирующих российских вузов. Научно-педагогическая школа «Ценностно-культурологической педагогики, философии исторических, региональных форм образования и актуальных проблем взаимодействия религиозных культур в образовательной среде» включена в Реестр ведущих научно-педагогических школ Санкт-Петербурга**.

Экономика показывает впечатляющие результаты — в относительном, разумеется, выражении. ВГК начинались в буквальном смысле слова «с нуля». У нас не было никакого стартового капитала, например, в форме здания, которым же фактически пользовался учредитель, или покровительства «сильных мира сего». Проект РХГА в этом смысле близок к библейскому творению: есть идеи, а матчасть создаётся практически ex nihilo. На протяжении всех лет

* Поздравление с юбилеем серии «Русский Путь: pro et contra» Председателя совета РФФИ академика В. Я. Панченко. URL: https://rhga.ru/press-centr/novosti/files/230217_Panch.pdf.

** Список научных и научно-педагогических школ Санкт-Петербурга, включённых в реестр ведущих научных и научно-педагогических школ Санкт-Петербурга. Приложение 1. С. 9. URL: <https://web.archive.org/web/20140103225149/http://knvsh.gov.spb.ru/closedcontests/view/85/>

образовательная организация работает в режиме самофинансирования. Начав свой путь в школьных (а на самом деле — церковных, которые до разрушения здания принадлежали храмовому комплексу Вознесения Христова на Вознесенском проспекте^{*)} подвалах, вуз ныне работает в отреставрированных за счет собственных усилий особняках на набережных Фонтанки и Невы. Бизнес-проект, безусловно, состоялся**.

Однако изначальный посыл инициаторов РХГА был романтическим и идеалистическим. В своё время из Высших гуманитарных курсов вышло несколько образовательных проектов. Организации, которые работали над их воплощением, прошли лицензирование, аккредитацию, получили общественное признание. Сейчас все эти проекты, за исключением РХГА, или завершены, или на излёте. Время было насыщено приключениями и конфликтами, конечно, не так, как в самом известном романе А. Дюма, но — всё-таки. Высшие гуманитарные курсы распались изнутри, а важнейшей причиной, помимо личных амбиций, были ценностно-смысловые разногласия. Бизнесмены (преимущественно с филологическим бэкграундом) настаивали на прагматизме, стремясь прежде всего заработать, а идеологи (с философским или теологическим бэкграундом) хотели прежде всего просвещать. Причём — лучше всех. А для этого — зарабатывать, чтобы сохранять максимальную свободу от различного рода институций. Финансовая самостоятельность хотя и не гарантирует внутренней свободы, но внешнюю в значительной степени всё-таки обеспечивает. Отцы-основатели (причём и филологи, и философы) даже мечтали усовершенствовать, дополнить и исправить советскую систему, которую в силу «глупой дерзости своей» считали «кондовой». Ирония истории проявилась в конечном счете в том, что бизнесмены «ушли за горизонт событий», а романтики стали успешными организаторами и предпринимателями.

* * *

Но как обстоит дело с заявленной идейной программой? Ведь ради неё всё и затевалось. Вспомним вопрос М. Хайдеггера о бытии: как обстоит дело с бытием? Понимая, что данный текст будут читать не только философы, подскажу, что «бытийной» в философии, причём не только у Хайдеггера, маркируется сущностная, ключевая, смыслополагающая проблематика, тогда как вторичная относятся к областям «сущего» и «мнения». Проект РХГА по своей сути идеалистический и метафизический. Его бытийную составляющую образуют идеи. Приведу несколько цитат из программных текстов 25- и 30-летней давности, поясняющих концепцию РХГА, её практические последствия и потенциальные перспективы.

* «Дмитрий Богатырёв о том, как появилась РХГА» (интервью Д. К. Богатырёва А. А. Сеницыну). URL: https://vk.com/video-3692_456239717 (дата обращения 10.12.2024); «Вознесение Господне» (беседа между Д. К. Богатырёвым и иереем Илией Макаровым). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=qLWFxbXZYUQ>.

** Более подробный обзор итогов последнего пятилетия, включая позиционирование РХГА в пространстве а) религиозных и б) частных вузов России, см. отчёт ректора о работе в 2019–2024 гг. URL: <https://rhga.ru/ob-akademii/koncepciya-razvitiya/>.

«В ее [модели и концепции] фундаменте лежат три идеи, дополняющие друг друга: образование должно быть культурологически целостным, духовно обоснованным и укорененным в национальной культурной традиции»*.

На едином для всех специальностей и направлений подготовки общеобразовательном фундаменте должна, по замыслу инициаторов, выстраиваться подготовка специально-профессиональная. Смысловое ядро, образующее идентичность проекта РХГА, остаётся неизменным, но вот в количественных аспектах соотношение ядра и периферии неуклонно смещаются, особенно после 2013 г., в сторону периферии.

«Как следствие из общетеоретических установок, в практически-организационном аспекте РХГИ является светским учебным заведением. Для обучения в нем не имеет значения ни национальная, ни конфессиональная принадлежность, ни пол, институт не связан ни с какой политической или клерикальной идеологией. Пребывая в лоне Русской Православной Церкви, институт не дублирует программы духовных школ и открыт для общения с инославными. Духовные школы РПЦ готовят студентов для пастырского служения, РХГИ ориентирован на миссию в социальной сфере. Культурологический язык подачи материала предполагает, что само содержание учебных занятий достаточно красноречиво, чтобы подтолкнуть студента вникнуть в духовную проблематику. Вхождение человеческой личности в духовный мир не может произойти по принуждению, с помощью какой-либо инструкции. Путь обучения — ознакомление с ценностями и традициями христианства на Востоке и на Западе, с христианскими основами русской и европейской культур и подготовка специалистов в этих областях. Символично, что Институт был учрежден ведущими в своих областях академическими структурами — Пушкинским Домом, Российской Академией образования и Санкт-Петербургской Духовной Академией».

Позиционирование РХГА в пространстве российской высшей школы по смыслу практически не изменилось, за исключением количественных показателей авторитета и признания, увеличения контингента и совершенствования материально-технической базы.

Четверть века назад перспективы развития страны казались радужными, а проект РХГА мыслился в качестве одного из «ледоколов», прорубающих косность советизма и направляющих систему образования к «светлому будущему» и «вершинам прогресса». «РХГИ — это образование нового тысячелетия: погружая человека в прошлое, оно открывает ему вечные основы его личного бытия и возможности его творческой активности в будущем».

Надо признать: намеченное и мечтаемое во многом удалось осуществить в конкретной работе РХГА. При этом в ходе реализации проекта появилось и то, о чём даже не помышляли. Сохраняется идеологическая

* Здесь и далее: Культурологические, духовные и национальные основания гуманитарного образования // Русский христианский гуманитарный институт. Концепции. Программы. Документы. / Под ред. Д. К. Бурлаки. СПб., 2001.

и психолого-атмосферная преемственность на протяжении 35 лет. Материально-технический и организационный рост, несмотря на два крупных кризиса 1997 и 2011–2012 гг., был стабильным, а кризисы давали опыт и очищение, за которым следовали ускоренные выходы на новые уровни развития. Это главный позитивный итог. Следует, однако, констатировать, что концепция культурологически ориентированного христианско-гуманитарного просвещения оказалась сильно редуцирована в результате реформ постсоветского образования, особенно после 2013 г. Поэтому на путь, пройденный РХГА с 1989 г., нужно посмотреть в более широком социокультурном контексте. Надлежит признать, что не реализована, да и вряд ли реализуется некая заявленная глобальная мечта о позитивном развитии отечественной культуры и образования в духе продекларированных идей христианско-гуманистического просвещения. Констатация такого отсутствия — это важный и по-своему позитивный урок.

В чём же причины неполного осуществления мечтаний и замыслов? Увы, в некоторых вопросах приходится признавать правоту Маркса: нельзя жить в обществе и быть свободным от него. Когда-то (в 1989–1999 гг.) мы учили преимущественно взрослых людей, постсоветскую интеллигенцию, которая получила образование в СССР. А мы по наивности думали усовершенствовать советское образование! Как признал даже Дж. Кеннеди, не испытывавший симпатий к нашей стране, советское образование было лучшим в мире. Его уже нет.

После госаккредитации в 1999 г. в Академию на дневную форму обучения, которая до переезда в 1998 г. на Фонтанку, 15 в принципе отсутствовала, массово пошли выпускники школ, тогда как взрослый контингент сместился на заочную и вечернюю формы. Некоторый спад по школьникам, желаящим поступать на дневной бакалавриат, наблюдался в 2009–2014 гг., что было обусловлено системным переходом в нашей стране к зачислению в вузы по результатам ЕГЭ, когда многие абитуриенты стали предпочитать пусть и нелюбимую, но зато на основе бюджета профессию желанной, но платной. Но и эта сложность была преодолена к тридцатилетию вуза в 2019 г. Значимым шагом в развитии вуза стало открытие в 2012–2014 гг. Колледжа, реализующего программы среднего профессионального образования (СПО). Изначально мы стремились «вверх» — от бакалавриата к магистратуре и аспирантуре. Опыт работы Колледжа, который по сей день остаётся образцовым подразделением Академии, показал продуктивность движения «вниз». Колледж сдемпфировал проседание дневного бакалавриата.

Среди молодежи, учащейся в РХГА, много духовно не определившихся, но ищущих. Среди взрослого контингента высока доля осознанно верующих. В 2000–2013 гг. в вузе учились многие евангелические христиане, но начиная с 2014 г. возрастает приток православных. В структуре конфессиональных потоков представлены все иерархические слои вплоть до епископата. РХГА остаётся уникальным для России опытом межконфессионального взаимодействия.

* * *

Вернемся к размышлениям. На протяжении четверти века я воочию наблюдал постепенную деградацию среднего образования в России. Четверти — потому что в 2001 г. была принята Правительством РФ концепция развития

отечественного образования, которая во многом реализовалась, да и сейчас отменять ее, похоже, никто не спешит, несмотря на декларации о духовном и государственном суверенитете. 90-е были не только временем распада и хаоса, но и окном возможностей. Кто-то использовал их для приватизации, а кто-то — для просвещения. Государство в тот период было «слабым» и мало что регламентировало. Не было денег, но не было и доходящих до тотальности (особенно при помощи нынешних цифровых технологий) контроля и регламентации. После 2001 г. регламентация стала нарастать. Но качественно ситуация изменилась после 2013 г. В результате системно проводимой образовательной и культурной политики количественные изменения стали переходить в качественные. База советской школы (физика, математика, русский язык и литература) оказалась маргинализирована. Математика и физика учили школьников мыслить, а русская литература развивала ценностные ориентации, выступая специфической формой «различения духов». О деградиционных последствиях ЕГЭ не писал только ленивый: школа перестала учить, перейдя к натаскиванию на результат тестирования. Для большинства нынешних выпускников средней школы программа РХГА является слишком «тяжёлой», даже если они и хотят её освоить, испытывая искренний интерес. Постсоветская политика в области образования и культуры дополняют друг друга: «образование — путь к успеху», а не ценность само по себе; «если ты такой умный, то покажи мне твои деньги»; «бери от жизни все, пока молод», и др. Мы готовим цивилизованного потребителя, а не патриота и не созидателя. Ну как не вспомнить некоего замечательного министра. Такая культурная политика долгое время воспитывала прагматиков и потребителей, которым чужды духовные ценности. Эта политика сущностно ошибочна и вредоносна для России, если рассматривать ее именно как государство-цивилизацию. В конце статьи я вернусь к анализу культурно-образовательной политики и её геополитических последствий.

Как очерченный социальный контекст повлиял на практику реализации уже вполне концептуально заявленных четверть века назад принципов? В 1999 г. была пройдена государственная аккредитация, но государственные стандарты, по которым проводилась аккредитация, тогда ещё были «знаниевыми». Особенно отмечу второе поколение стандартов, оно — лучшее по своей философии. По мере эволюции образовательных стандартов, которые регламентируют учебный процесс на всех уровнях и формах, доля христианско-культурологического содержания в составе реализуемых РХГА программ неуклонно снижалась. Это было обусловлено макроусловиями, которые формирует регулятор, а деконструкционный процесс шёл постепенно. Вехами перехода от постсоветской к неороссийской высшей школе стали: отказ от специалитета, за исключением тех редких случаев, где без него попросту невозможно учить, переход к зачислению в вузы школьников преимущественно на основании ЕГЭ, окончательное закрепление компетентностной модели четвертым поколением федеральных государственных образовательных стандартов.

Отказ от специалитета в пользу Болонской системы бакалавриата и магистратуры редуцировал по сути практически все российские вузы до уровня советских провинциальных институтов (аграрных, педагогических, технических).

Такова c'est la vie, шутка всего лишь. Длительное время бакалавриат и специалитет в постсоветской России сосуществовали, причём это было вполне себе «мирное сосуществование». Агрессия пришла опять-таки со стороны Запада. Как сейчас понятно, смерть специалитета была нужна для того, чтобы лишить российскую высшую школу самобытности и фундаментальности. В СССР университеты, фактически реализовывавшие программы специалитета, были не только в столичных городах, но и в крупных центрах, вроде Одессы, Ростова, Владивостока или Новосибирска, которые обладали достаточным кадровым и культурным потенциалом. Университеты готовили в большей степени элиту, тогда как институты — просто интеллигенцию. Впрочем, в СССР переходы между стратами мыслящего класса были довольно плавными. По замыслу наших либеральных реформаторов, элиту, в том числе и российскую, должны готовить университеты «Лиги плюща», или, в лучшем случае, Высшая школа экономики, а никак не Московский или Санкт-Петербургский университеты. Признаюсь, что в своё время не разделял концептов и пафоса В. А. Садовниченко, а теперь считаю его наиболее здравомыслящим политиком отечественного образования постсоветской эпохи.

Регламентирующие бакалавриат стандарты жестко лимитируют, минимизируя по сравнению со специалитетом, объемы мировоззренчески нагруженных дисциплин, оставляя для них незначительную долю т. н. «кредитов». Магистратура по определению предполагает специализацию и профилизацию. Утрата фундаментальности в отечественной высшей школе таки произошла. Хочется надеяться, что это не «окончательный диагноз», и в некоторых ведущих университетах традиции фундаментального имперско-советского образования всё-таки сохранятся.

Система ЕГЭ подпирает деградационные процессы в высшей школе «снизу». Она редуцировала и продолжает редуцировать навыки синтетического (интегративного) и аксиологического мышления у большинства выпускников средних школ. Что из этого для РХГА? Выпускники советских школ и вузов были морально и интеллектуально готовы к надстройке собственно религиозного уровня над другими аксиологическими этажами своего мировоззрения, а у многих нынешних эти этажи находятся в зачаточном виде, недостроены или эклектически набиты всякой всячиной. СССР был, как известно, «самой читающей страной в мире». Классик американского прагматизма Джон Дьюи, много времени посвятивший проблемам образования, справедливо отметил, что самым сложным в реформах является изменение привычек. Привычки читать у современных молодых людей уже нет. Поздравляем реформаторов: «не пропадет ваш скорбный труд и дум высокое стремленье». Конечно, этот процесс надо рассматривать в контексте таких феноменов, как «экранная культура», глобализация и цифровизация, но и реформы средней школы дали свои непосредственные плоды. Когда-то мы мечтали, что «просвещённый наш народ» не «милорда глупого», а Бердяева и Достоевского «с базара понесёт». Увы, несли и несут скорее «милордов» — глупых и не глупых. А ведь русская литература, которую Томас Манн неспроста наградил эпитетом «святая», во многом компенсировала антирелигиозные усилия светской идеологической системы.

Компетентностная модель, принятая в качестве тотальной, — вполне логичный шаг, закрепляющий интеллектуальную и аксиологическую деградацию и колонизацию отечественного образования. Но «Великий перелом» (по аналогии с коллективизацией, проведенной под «мудрым руководством» товарища Сталина), наступил в 2013 г. с принятием закона № 274 ФЗ «Об образовании». Закон решительно изменил приоритеты: от развития — к регламентации и контролю. Росособнадзор действует как прокуратура, которая призвана надзирать за соблюдением правил и наказывать (прямо по М. Фуко). Это правильно: такая работа прокуроров и росособнадзоров (тем более что в отношении Академии никаких эксцессов не было, нам на надзирателей и контролеров грех жаловаться). Однако сами законы пишут не контролеры и надзиратели, хотя и могут давать советы. Это задача «интеллектуалов», пекущихся — по идее, разумеется, — о благе своего народа. Вопрос: какого народа? Может быть — американского? Или концерта просвещенных наций Европы?

Компетентностная модель, принятая в качестве универсальной (подчеркнем) для всей системы отечественного образования и получившая закрепление в соответствующих стандартах, является удавкой на шее отечественной общей средней и высшей школы. Я не против компетентностной модели как таковой, просто она нуждается в локализации. Ей место — в СПО (колледжи, училища) и, возможно, в некоторых отраслевых институтах. Это совершенно чуждая духу российской цивилизации в целом и традициям педагогического проектирования в частности философия. Она является либерально-прагматической по своей социальной и методологической сущности и англосаксонской по происхождению.

Сочетание принципов правового государства, которые были продекларированы Ельцинской конституцией, и англосаксонской мировоззренческой начинки и методологического проектирования образовательных стандартов дает своеобразный эффект. Система регулирования образовательного процесса на основе компетентностной модели во многих своих элементах превратилась в правовое принуждение к противоестественному, когда высшее (знание) представляется всего лишь средством для низшего (умения). Вокруг этого выросла своего рода организационно-педагогическая схоластика, не в значении высокодифференцированных систем Альберта Великого и Фомы Аквинского, а в худшем бытовом значении «натягивания совы на глобус».

Отдельный вопрос — о балансе между правовым регулированием и правовым администрированием. Он всегда подвижен. В России специфическая правовая субкультура. «Правовой нигилизм», о котором писал Д. А. Медведев, исполнявший тогда обязанности Президента, отнюдь не фикция. Государство тяготеет к администрированию при отказе от идеи «естественного права», а в результате ленинско-троцкистской революции ее задвинули очень глубоко. После буржуазной контрреволюции 1989–1993 гг. на сцену с претензией на лидерство вышел позитивизм, который также в целом является противником доктрины естественного права. «Оптимизация вузовской сети» шла в контекстах правового администрирования. Это, несомненно, лучше произвола. Вроде бы ныне все-таки наметилась тенденция, слава Богу, к регулированию. Все эти вопросы не в меньшей степени философские, чем практические.

До 2014 г. в отечественной высшей школе, по крайней мере, в её частном секторе, но по моим сведениям — и в государственном, можно было работать по здравому смыслу или «по понятиям», после — только по закону. Живем в «правовом государстве», так что — будьте любезны! Не стало классической для русской истории ситуации, когда «строгость российских законов послабляется необязательностью их исполнения». Неисполнение ведь бывает разным. С точки зрения формального права, перевыполнение — разновидность невыполнения нормы, своего рода девиация. Вот это — как раз случай РХГА. Вполне определённо можно утверждать, что до 2014 г. мы учили лучше. Все аккредитационные комиссии говорили нам: «Ваши студенты перекормлены». Однако интеллектуальное и духовное переедание — это разновидность «нарушения прав потребителя». Мы работали по здравому смыслу в организационно-правовом аспекте, а «по понятиям» — в концептуальном. По «понятиям», разумеется, — в смысле Гегеля, а не криминальной субкультуры переходного периода. При этом мы учили лучше — как в части качества, так и в части реализации своей миссии христианского просвещения методами культурологии. (Хотя, наверное, наработанный вузом авторитет, а также появление в Академии начиная с 2020 г. бюджетных мест приводит к нам более сильный (в отношении измерения, разумеется) контингент, нежели в 2010-х гг.).

После «Великого перелома» в истории СССР случились 1937–38 гг., которые многими либеральными авторами трактуются чуть ли не как квинтэссенция всей советской истории. Свой «тридцать седьмой год» (бытовал такой мем среди работников высшей школы, когда число проверочных дней в жизни некоторых вузов могло превышать число календарных) был и в истории постсоветской высшей школы с 2014 до 2017 г., когда было снято с контроля решение Правительства об оптимизации вузовской сети¹. Работая на основе механизмов формального права, Рособнадзор радикально сократил число филиалов, существенно — количество частных ВУЗов, стимулировал объединение государственных, произвёл и зачистку непрофильных направлений подготовки в госсекторе. Так, в Санкт-Петербурге до начала «чисток» действовало порядка полусотни негосударственных вузов и филиалов, имеющих госаккредитацию, а в 2018 г. — уже около десятка. Из трёх экономических государственных вузов остался один. Филиальная сеть была редуцирована наиболее жёстко и бескомпромиссно. Ретроспективно надо признать, что, несмотря на юридические и эмоциональные эксцессы, оптимизация в целом оказалась для страны полезной. Но «под раздачу» попали и вполне достойные организации. Так и в своё время тезис «лес рубят — щепки летят» в отношении к «чисткам» 1937–38 гг. был признан ошибочным. Но щепки уже улетели. В. Молотов в оправдание говорил, что, зачистив пятую колонну, страна в целом обеспечила себе надёжный тыл в грядущем столкновении с фашизмом.

¹ Концепция Федеральной целевой программы развития образования на 2016–2020 гг., утв. распоряжением Правительства РФ от 29 декабря 2014 г. № 2765-р [Электронный ресурс] // Сайт правительства РФ. URL: <http://government.ru/media/files/mlorxfXbbCk.pdf>

Возвращаясь к «оптимизации вузовской сети», конкретным результатам которой мы дали в целом позитивную оценку, отметим и главный негатив — методологическую ущербность. Отсекается не только откровенно слабое, но и оригинальное. Доминирует усреднение. Но ведь если стоит задача превратить империю в провинцию, то так и должно быть. Как следствие продумывания выдвинутого тезиса, открываются еще более печальные горизонты. Применение механизмов формального права имеет и более глубокий негативный план. Какой закон нас заставляют соблюдать? Казалось бы, вопрос праздный: закон суров, но это закон, — гласит поговорка самой гениальной в юридическом смысле нации в мировой истории. Римляне, однако, руководствовались идеей естественного права, а она в современной российской (и не только) ситуации отнюдь не популярна. Доминируют легизм (правовой позитивизм) и формально-юридические доктрины. Обе оппозиции естественному праву лишают в сущности юридические нормы и принципы онтологического и аксиологического (в меньшей степени) содержания. Позитивизм, основным генератором и ареалом обитания которого выступают англоговорящие культуры, в особенности нацелен на изгнание всяческой «метафизики». Но если изгнать «метафизику», на её место встанет сугубая «физика», вполне логично дополняемая социальной и этической прагматикой.

Рособнадзор, действуя в соответствии с законом (как же ещё должна работать организация, выполняющая функции прокуратуры), фактически (убеждён, что незлонамеренно) принуждает образовательные организации реализовывать философию, которая нацелена на колонизацию нашей страны. Речь, разумеется, ни в коем случае не идет о надзоре за соблюдением правил — прием в вуз, соблюдение договора, промежуточные и итоговые аттестации и т. д. Здесь навели порядок, и слава Богу. Речь идет о самом главном — государственной аккредитации. Изменения в этой сфере, происходившие в постсоветское время, — тема отдельной статьи, хотя в нашей совместной с И. И. Докучаевым книге¹ она затронута.

Но в целом нельзя не отметить тенденцию редуцирования содержательного подхода в аккредитационных мероприятиях в пользу формального. Ошибочным, на мой взгляд, было решение отказаться от ранжирования в ходе аккредитации образовательных организаций по их видам: институт, академия, университет. Сейчас процедура аккредитации акцентирует в первую очередь соблюдение стандартов. Стандарт — это закон, который регламентирует уже не общие принципы и механизмы функционирования системы, как № 273-ФЗ, а конкретные траектории построения образовательных маршрутов. Ныне действующие стандарты чужды традиционному российскому менталитету. Учить по здравому смыслу или по своим понятиям можно, но встает вопрос о признании выдаваемых дипломов. А признание со стороны государства чрезвычайно важно для отечественной культуры, которая всегда была государствоцентричной. Конечно, у любого вуза есть дополнительные возможности — внеклассная воспитательная работа, дополнительное образование, — но регулярный учебный процесс важнее.

¹ Богатырёв Д. К., Докучаев И. И. Провинциализация империи. Очерки истории образования в постсоветской России. СПб.: Изд-во РХГА, 2023.

Изначальный замысел нашего проекта заключался в том, чтобы, дав и профессию, и диплом, приобщить учащихся через само содержание учебных занятий к ценностям христианства и отечественной культуры. Предчувствовал в 2013–14 гг. возможные последствия «жизни по закону» в оптимизируемой и отрегулированной вузовской сети, мы даже ставили для себя вопрос о завершении нашего образовательного проекта. По совокупности обстоятельств (а может быть, по Промыслу) проект РХГА оказался продолжен и даже преуспел. Предчувствия же, связанные с редукцией миссии, оказались концептуализированы десять лет спустя, в том числе и в этой статье.

* * *

Утраченные иллюзии (воспользуемся теперь уже метафорой О. де Бальзака) тоже надлежит подвергнуть осмыслению. В числе важнейших из них: недооценка неолиберального глобализма как доминирующей идеологии Модерна в его постмодернистском изводе и фундированного ею сценария глобализационных процессов; преувеличение логосно-идеалистических интенций информационной эпохи; чрезмерный историософский оптимизм, не соответствующий видению истории, вытекающему из Откровения.

Сначала о «благотворном для всего человечества» капитализме и демократии как «высшей формы политической организации», которой якобы нет реальной альтернативы. Разрушение Советского Союза шло в том числе и под лозунгами борьбы за права и свободы граждан, включая верующих. Права верующих действительно ущемлялись и нарушались, как и права прочих «меньшинств». Доминировал миф: придёт демократия, и всё встанет на свои места. «Невидимая рука рынка» решит все не решённые советской властью вопросы. И она таки решила, особенно в сфере услуг. Но при этом деиндустриализации подверглись целые секторы обрабатывающей и высокотехнологичной промышленности. Пришла такая демократия, которую А. А. Зиновьев справедливо оценивал в качестве «колониальной». Традиционные конфессии признаны, но в системе образования их присутствие минимизировано. Как утверждал Зиновьев во время теледебатов с Б. Н. Ельциным на французском телевидении ещё в 1990 г.^{*}, «Западу не нужна никакая демократия в России, а нужен развал СССР».

Пропаганда капиталистического образа жизни и реальные результаты приватизации и либеральных реформ — это сущностно разные вещи. Демократия открылась у нас, как и предупредил К. Шмитт, в форме власти олигархов. Капитализм ныне перешёл в свою финансовую форму, для которой, как и писал Э. Валлерстейн, глобализация жизненно необходима, а пути ее достижения лежат в плоскости переноса индустриального производства из ядра на периферию или полупериферию, тогда как в ядре сосредотачивается производство услуг и информации.

Цель развала СССР как ключевого геополитического конкурента достигнута, надо двигаться дальше. Дальше (если мы не сумеем выработать

^{*} Поляков Л. В., Богатырёв Д. К. Запад как феномен культуры в политической философии А. А. Зиновьева // Вестник СПбГУ. [В печати].

противоядие и предложить альтернативы) — проекты экономической колонизации и интеллектуальной полупериферии. Образование и культура — в русле этих интенций неолиберального глобализма. Более того, они составляют важнейшую сферу приложения «мягкой силы», главные инструменты «перепрощивки сознания».

* * *

И вот в этой концептуальной точке «перепрощивки» глобализм и так называемое «информационное общество» как нельзя лучше дополняют друг друга. В наиболее простых пропагандистских текстах это такое общество, где преуспевают люди, владеющие информацией и «креативящие» на нивах её создания и продуцирования информационно-емких продуктов и услуг. В более аналитическом приближении — это глобальная система неравноценного обмена между «натуралами», которые представляют собой сырьевые экономики или индустриальные общества, и «креаклами». Владение информацией одними предполагает отсечение от неё других. «Другие» — означает большинство. Большинство в значении периферии и полупериферии, но также, подчеркнем, и большинство населения ядра, по-другому именуемого «первым миром».

Но важнее социологических и культурологических размышлений собственно философские. Знание и информация не тождественны, хотя в философских и псевдофилософских дискурсах информационного общества сильна тенденция к подмене понятий. Знание — это информация, тождественная истине, а в дискурсах позитивизма и аналитической философии ключевой интенцией выступает стремление редуцировать истину до уровня операционального или инструментального понятия. В прагматизме истинным объявляется полезное. Знанием, например, является суждение, что США подвергли ядерной бомбардировке гражданское население мирных городов Хиросима и Нагасаки. Но есть и вполне себе успешно функционирующая информация, что Японию бомбил СССР, и многие японцы в это верят.

Знание восходит к Логосу как своему центру. Онтологически знаниевая гносеология восходит к идеализму или теизму. Онтологическая основа информационных моделей реальности преимущественно атомистическая. При этом атом — вовсе не обязательно материальная частица, как у Гассенди или Ленина. Ещё задолго до логического атомизма Б. Рассела пришло понимание того, что атомы Демокрита суть прото-эйдосы Платона. Главное различие между атомистикой и идеализмом пролегает по линии «редукционизм — холизм». Шаг от атома к Логосу можно сделать, сблизив атомы и эйдосы, но можно и не делать. Либо оставить эту интерпретацию для избранных, рассматривая Логос преимущественно софистически, как предмет интерпретации. Как «порядок дискурса», который человек и настраивает, выступая при этом в качестве «меры всех вещей» — по заветам тов. Протагора. Атомистика и софистика суть сёстры-близняшки, даже трудно сказать, «кто более матери-истории ценен».

Информационное общество в своей основной тенденции не логосно, как я это многократно проповедовал, в силу своей идеалистической наивности, в своих выступлениях ранее, сблизая его с Откровением о Логосе, а софистично и атомистично. Кто владеет информацией, а главное — ключами её

интерпретации и подачи, тот и доминирует в мире. Ситуация «свободы слова» и контроля над этой «свободой» со стороны медиакорпораций и сетевых платформ, за которыми стоят информационно-технологические гиганты, является составной частью общества потребления в сферах образования и культуры. Она продуцирует не критически, а тем паче творчески мыслящих личностей, а потребителей. Реформы постсоветской школы — именно об этом. Христиане и идеалисты, конечно, получают свои окна возможностей, но в целом и они пребывают в рамках информационного общества вовсе не на «своей территории».

Экранная культура — магическая, а не логосная. Атрофирование привычки читать, а особенно — думать при этом, — важный компонент информационной-экранной культуры. Другим не менее важным элементом выступает миф о внеидеологичности свободно циркулирующей информации. Если под идеологией понимать, по заветам В. Парето, «маскировку действий» (хотя идеология к этому и не сводится), то более манипулятивного общества, нежели информационное, ещё надо поискать.

* * *

Ситуацию невиданного ранее информационно-технологического прогресса можно оценить и как вершину развития цивилизации, и даже как цель, которую ещё надлежит достичь. Прямо по заветам В. Маяковского: «есть у Революции начало, нет у Революции конца», — который на самом деле поэтически оформил доктрину Л. Троцкого о «перманентной революции». Можно посмотреть на это и в оптиках отчуждения через превращение человека в придаток машины (компьютер — тоже машина) или «восстания масс», которые предложены, соответственно, марксистами и экзистенциалистами. М. Хайдеггер писал о «забвении бытия» через погружение в стихию сущего, когда техника, обещая людям власть над сущим, духовно поработщает их. Тему критики прогрессизма развивают традиционалисты от Р. Генона до А. Дугина. Вопрос, однако, не решить путём ухода из города в деревню, когда глобализация придёт и туда со своими технологиями и финансово-цифровой гегемонией.

«Забвение бытия» семантически корреспондирует с концептуальной метафорой апостасии, которая связана с толкованием исторических судеб человечества. В христианской теологии^{*} историософский оптимизм характерен преимущественно для Иоахима Флорского и его последователей, к числу которых можно отнести не только Гегеля, но и (на секулярной, разумеется, основе) Маркса с Контом и Фукуямой. Изначально же ещё Блаженный Августин предложил эсхатологическую модель историософии, в русле которой прогресс относителен, если вообще возможен.

Прогресс, построенный на науке и технике, — ключевая мифологема Просвещения. Демократизация и секуляризация суть его составные социальные элементы и движущие силы. Многие христианские философы (Вл. Соловьёв, Тейяр де Шарден и другие) подпали под обаяние прогрессистской мифологии и, соответственно, проекта «Запад» в качестве основной культурно-исторической

^{*} *Легеев М. В.* Богословие истории как наука. Опыт исследования. СПб.: Издательство СПбДА, 2019. 656 с.

силы, которая выступает «мотором» прогресса и главным субъектом глобализации. Вл. Соловьёв, правда, признал — незадолго до смерти — величайшим прогрессором всех времён и народов, которому удалось объединить нации и конфессии, покончив с войнами, голодом и социальной несправедливостью, Антихриста. Кажется, эти цели и декларирует неолиберальный глобализм в качестве высших, пусть и временно отдалённых, благ человеческого будущего. Для этого надо отказаться от Христа, сохранив за ним статус культурного героя, а традиционные церкви превратить в музеи древностей. Концепция, которую усердно продолжает реализовывать РХГА, совсем не конгруэнтна этим социокультурным траекториям. Даже удивительно, что проект не только продолжается, но и развивается. Если глобализация со всеми её прелестями сумеет всё-таки трансцендировать национально-государственные суверенитеты, победив «реакционную доктрину многополярности», места таким проектам, как РХГА, уже не останется точно. Образование — одна из сфер, где решается этот вопрос.

* * *

Какова философия проведённых либеральных реформ в постсоветском образовании, расскажет книга, написанная мною совместно с И. И. Докучаевым, — «Провинциализация империи». Обращаясь к тем, кто ее не прочтет: образно и кратко их можно сравнить с химической кастрацией, действующей в обществе, в отличие от индивидуально-биологического применения, постепенно. Хороша и метафора одеял, заражённых вирусом оспы, которыми американские просветители и «по слову Божию» реформированные христиане снабжали индейцев Северной Америки. Под американскими одеялами тепло, совсем не так, как в холодах лагерей, степей или окопов. Холод, однако, заставляет, хотя бы до времени, жить и бороться. Но ведь можно и перестать сопротивляться. Как блестяще показали авторы, писавшие о холодной смерти, следующей за отказом от борьбы, например, Джек Лондон, перед собственно кончиной наступает состояние приятной теплоты. Как обстоят дела со смертью от оспы, не знаю.

«Духовные инвестиции и инновации» современных заокеанских колонизаторов в российскую культуру и образование по своему смыслу подобны тому, что проделали британские колонизаторы с индейцами Северной Америки. Те, кого не удалось уничтожить физически, нашли своё место в резервациях, поскольку, в отличие от негров, не желали «продуктивно сотрудничать» с белыми господами. Теперь морские державы заняты уже глобальной колонизацией «мирового острова». Населению России уготованы судьбы индейцев и негров, а некоторым, а в их числе есть явно мечтающие о такой участи, возможно, будут дарованы места охранников, надсмотрщиков и мытарей. Утопии, впрочем, никогда не сбываются так, как их задумывали.

* * *

В завершение возвращаюсь к обещанному — геополитическим последствиям и потенциальным сценариям процессов, которые имеют место в образовательной сфере. Советское образование было действительно лучшим в мире,

разумеется, для своего времени. Но для него было характерно системное противоречие. Мы говорим о гуманитарной сфере, ибо там духовно формируется так называемый «человеческий капитал». Онтологически декларировался материализм, а аксиологически (в этике главным образом, в эстетике меньше) фактически провозглашался и реализовывался в качестве государственной политики идеализм. Бога нет, но — «сам погибай, а товарища выручай»; «Раньше думай о Родине, а потом — о себе». По сравнению с системой ценностей империи был утрачен (если ориентироваться на систему аксиологических категорий М. Шелера) высший (религиозный) уровень, базовой ценностью которого выступает святость. Но аксиологическая деградация не была обвальной, как в постсоветское время. Высшими ориентирами в советской культуре служили героические ценности, а также ключевые трансценденции духовного уровня: истина, благо, красота. Это имманентное противоречие советской культуры разрешилось не восходящим синтезом (по заветам Гегеля и Маркса), а деградационным (согласно логике негативной диалектики). Современный буржуазный материализм материалистичнее советского, который был материализмом в теории, но идеализмом в жизни. Советская онтология победила советскую этику, подобрав себе в постсоветской культуре адекватных партнёров: утилитаризм и гедонизм. Аксиологическая деградация постсоветской культуры демонстрирует движение к ценностному дну — от духовных и героических ценностей к утилитарно-прагматическим и гедонистическим.

Ситуация в современной культуре и образовании также характеризуется системными противоречиями. С одной стороны, декларируется (особенно после начала СВО) патриотизм, борьба за «традиционные ценности», претензия на идеологический и технологический суверенитет, а с другой стороны, и политика в области культуры, да и сама практика функционирования и проектирования образования строится на духовном и интеллектуальном импорте. Причём импортируется интеллектуальный продукт наших главных геополитических конкурентов — США и Великобритании. У потребителя, на воспитание которого заточена система отечественного образования, нет Родины. Родина — это «устаревшее» (в случае духовно-эмоционального наполнения) понятие, подлинное значение которого следует ограничить сугубой географией, не умножая сущности без надобности (по заветам У. Оккама). Настоящая «родина» потребителя там, где лучше потреблять. С начала украинского кризиса и II Крымской войны ущербность описанной идеологии сознаётся частью соотечественников уже как экзистенциальная угроза. Однако декларируемые реформы образовательной сферы не затрагивают сущностного ядра, оставаясь периферийными. Наметившийся лево-консервативный поворот обозначает синтетический диалектический сценарий. Но если не перекодировать ядро, будет реализован, с большой долей вероятности, сценарий по модели негативной диалектики, как это уже произошло при распаде СССР.

* * *

Возвращаясь, собственно, к истории РХГА, отметим определённый диссонанс между внешним восприятием и сущностным усмотрением нашего Проекта. Внешне он смотрится достаточно конъюнктурно, но по сути всегда шел если

и не против течения, то уж точно не был в мейнстриме. Такой вектор движения формировался в большей степени интуитивно-промыслительно, тогда как рас­судок подталкивал скорее к поиску приспособленческих решений. Эксперты отмечали, что именно упорное движение к цели с «лица не общим выраже­нием» служило и служит основой социально значимых успехов РХГА.

В качестве главного итога констатируем, что, несмотря на многие не спо­собствующие этому социокультурные обстоятельства, свое название Академия Достоевского пока ещё в основном оправдывает. Как учили классики стоицизма: «Делай что должно, и будь что будет». Эти идеи Сенеки и Марка Аврелия были интегрированы христианством. С добавлением к мужественному приня­тию судьбы и долга надежды и веры в помощь Божию — сим победиши!